

10.5 - Интерлюдия - Звучное эхо

День был вполне нормальным для самца. Он высунул голову из норы своего дома немногим позже восхода солнца. Прохладный воздух вызвал дрожь после тепла, излучаемого телами его семьи. Он был Защитником своей семьи, в связи с чем он выходил первым, чтобы проверить не опасно ли выходить, и убедиться в безопасности, чтобы его семья могла следовать за ним.

С копьём в руке, он осмотрел весь периметр, увидев несколько других ящериц, которые уже вышли, и некоторых, которые совершали те же действия, что и он сам. Мерцанием своего тела он показал семье, что побережье неопасно, после чего они вышли, держась немного позади.

Малыши слишком сильно стремились выйти из дома и начать новый день, прыгая мимо одного из своих отцов, чтобы впитать свет раннего утреннего солнца. Защитник имел смутные воспоминания о том, что делал точно также, когда был молод. Это побудило нижнюю часть его шеи отливаться ностальгией и нежностью.

Он почувствовал знакомый удар с обеих сторон, поскольку так его любимая самка и самец физически выражали свою собственную привязанность, наблюдая за самыми маленькими, резвящимися вокруг. Его семья часто имела такие моменты утром перед добычей пищи.

Некоторые из ям вблизи центра их колонии служили в качестве складов, так, чтобы любая ящерица смогла поесть, когда была голодной, и это именно то место, куда его семья направлялась прямо сейчас. Защитник ходил, сгорбившись, на двух ногах, периодически используя свою свободную руку, чтобы балансировать на земле. Малыши следовали за взрослыми своими собственными непредсказуемыми путями, трое из них бегали и прыгали вокруг, их чешуя в водовороте цвета. Для них хорошо быть энергичными и играть вместе.

Придя к запасам еды, взрослые особи приветствовали друг друга перед употреблением пищи. Один из детенышей Защитника, казалось, съел больше, чем ему полагалось, и сразу же получил удар по носу от своего отца Защитника в назидание, что нельзя быть жадным. Она предложила лишнюю еду, которую жевала во рту одному из своих братьев, и он с удовольствием ее съел.

Ожидая, пока его семья закончит завтрак, он посмотрел на небо. Сегодня был ясный день, хороший день для того, чтобы вычистить всю грязную листву из норы, прежде чем снова пойдут дожди. Их норы были пористыми и дождевая вода, как правило, протекала прямо через них, собираясь в старой листве и делая ее влажной и неприятно пахнущей.

Малыши были достаточно большими, чтобы помогать с домашними делами, к тому же для таких маленьких и раздражительных это было хорошим упражнением, а также обучало их сохранять семейное жилище в чистоте. Он сообщил о своем намерении членам своей семьи, и они согласились с тем, что это была хорошая идея.

Возвращаясь к норе, его любимый самец снова любовно подтолкнул его перед входом. Оба члена его семьи были довольно физически ласковы, но самец - даже в большей степени. Как хороший Защитник, он следил за хищниками, несмотря на то, что не находился близко к границам колонии, и держал уши начеку в случае предупредительных вызовов.

Малыши следовали за взрослыми, неся столько листвы, сколько могли, стараясь изо всех сил быть полезными. Защитник улыбался, мерцая красками вокруг своего лица, наблюдая за маленькими листовыми монстрами, которые заменили его детей. Они несли мертвые листья в своих лапах, поджав их под плечи и во рту, пытаясь перешеголять друг друга и перенести больше всех. Гордые вспышки украшали их спины, пока они следовали за своими родителями к

опушке леса, где в одну кучу собирали использованную листву. Защитник замыкал эту колонну, направляя своих малышей в правильном направлении, так как они с трудом видели путь за листьями, которые несли. Он чувствовал, что они очень хорошо шли на двух ногах, и редко спотыкались.

Внезапно их накрыла вспышка. Нет, был это предупредительный крик? Его сердце заколотилось, и он тут же принял оборонительную позицию. Его семья бросила свои грузы и спряталась за ним. Другая волна прошла над ним и над его семьей. Было больно. У него не было никаких повреждений, но было больно, было больно его сердцу. Боль была подобна тому, когда его самка с трудом откладывала яйца и имела серьезные боли. Ее боль была его болью, и он чувствовал ее. Это было то же самое. Он знал, что его семья тоже почувствовала ее, потому что они прижимались к нему не из-за страха, а для того, чтобы успокоить.

Если бы они не были друг у друга, несомненно, это было бы слишком ошеломляющим для них. Он оглянулся вокруг и все остальные семьи, которые он увидел, прижались друг к другу, как и они, стремясь успокоить друг друга. Что-то было мучительно неправильно, все они чувствовали это своим семейным сердцем.

Все ощущалось как отчаянное мерцание. Оно было громким и гремящим, но тем не менее слабым и беспомощным. Что-то внутри них кричало, что один из членов их семьи пострадал. Он почувствовал себя очень хрупким, как недавно отложенное яйцо до затвердения оболочки. Он не знал, откуда это взялось, но он пытался успокоить ее, так же, как успокаивал самку, которая имела сильные боли. Также, как он утешал других, когда им было больно. Он не знал, где был этот член его семьи, но он стремился умиротворить его. Его тело переливалось волнами спокойных цветов.

Как будто в его сердце загорелся свет. Этот свет нельзя было увидеть, но можно было почувствовать. Он мог чувствовать его в сердцах своих самок и самцов. Он мог чувствовать его в сердцах своих детей. Он мог чувствовать его в сердцах каждого члена своей колонии и за ее пределами.

Он был близок со всей своей расширенной семьей, но теперь он мог чувствовать их. То, что было слабым чувством других казалось попыткой уловить проблеск солнца сквозь полог плотных деревьев. Теперь это было похоже на то, что все деревья были вырваны, и солнце изумительно светило в небе, обогревая его чешую и чешую всех остальных ящериц, которых он не мог видеть прежде за тенью деревьев.

Это было большое сближение сердец. Вспышка, которая была настолько поразительной и ужасной, превратилась в сильную волну чего-то нечто иного; чего-то радостного и завершенного. Не было ни звука, ни мерцания, которые могли бы описать чувство завершенности, которое он теперь имел.

И так же внезапно, как он появился, он исчез. ...Нет, не полностью исчез. Он был там, он чувствовал это своим семейным сердцем, как будто оно было живым и пульсировало рядом с его собственным сердцем. Он уронил копье и положил свою освобожденную руку на центр груди, где почувствовал вялый, живой пульс. Его грудь переливалась светло-голубым вокруг его руки с чувством удовлетворения, которое появилось в нем в настоящее время, глубокой связь с одним и всеми членами его семьи. Его семья увидела его действия и сделала то же самое, каждый положил руку на грудь и замерцал тем же удовлетворением светло-голубого цвета. Другая семья, увидев их, также скопировала жест, таким образом, распространив это,

как лесной пожар, по всей своей колонии и всем другим колониям.

Это было новое слово, то, что останется с ними на протяжении долгих веков. Оно означало "Сердце семьи".

<http://tl.rulate.ru/book/612/13561>